

А. Дмитриевский

**Личные воспоминания о
митрополите Петербургском
Антонии, как учителе и
сослуживце**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. Дмитриевский**
Личные воспоминания о митрополите Петербургском Антонии, как учителе
и сослуживце / А. Дмитриевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 80 с.

ISBN 978-5-458-56071-9

ISBN 978-5-458-56071-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

собраніи почитателей почившаго владыки обрисовать его свѣтлую личность не со стороны ея, такъ сказать, показной, какимъ покойный владыка является передъ нами въ профессорскомъ виць-мундирѣ, въ рясѣ съ панагією на груди и въ бѣломъ клобукѣ на головѣ и въ саккосѣ и омофорѣ, какъ его описываютъ обыкновенно панегиристы въ своихъ некрологахъ и разныхъ статьяхъ по поводу перипетій въ его не лишенной драматичности и исключительнаго счастливаго покровительства ему фортуны жизни, а изобразить его въ обычномъ скромномъ пиджакѣ или подрясникѣ даже безъ скуфейки на головѣ, за трудовымъ рабочимъ столомъ или, въ кругу своихъ интимныхъ единомышленниковъ, за скромной трапезой или за чайнымъ столомъ. Быть можетъ, и въ этихъ незримыхъ и недоступныхъ внѣшнему міру мелкихъ, но, по моему мнѣнію, весьма характерныхъ черточкахъ обрисуетъ предъ нами глубоко-симпатичный притомъ образъ почившаго владыки еще съ большею пластичною рельефностью и чарующею задушевною

обаятельностью, чѣмъ даже въ статьяхъ, написанныхъ ad hoc.

Мои воспоминанія будутъ эпизодичны и часто отдѣляются значительными промежутками времени. Последнее зависитъ отъ того, что совмѣстное сожительство мое съ почившимъ владыкою падаетъ лишь на годы моего обученія въ Академіи, съ 1878—1882 г., и на два первые года службы въ Казани, съ 1882—1884 годы, и на послѣдніе годы жизни владыки съ 1907 года, послѣ моего переселенія на службу изъ Кіева въ Петроградъ, при чемъ, само собою разумѣется, что мои свиданія съ нимъ не отличались назойливостью.

Первое мое знакомство съ Александромъ Васильевичемъ Вадковскимъ (мірское имя митроп. Антонія) относится къ 1878 г., когда я поступилъ студентомъ Казанской Духовной Академіи на церковно-практическое отдѣленіе. Въ числѣ отдѣленскихъ предметовъ на первомъ курсѣ мы должны были выслушать исторію проповѣдничества — періоды древне-христіанскій и византійскій. Едва-ли и слѣдуетъ прибавлять, что видѣть и слышать профессоровъ сво-

его отдѣленія для насъ, *новичковъ*. Было весьма интересно, такъ какъ на пріемныхъ экзаменахъ мы видѣли передъ собою только профессоровъ отдѣленій богословскаго и церковно-историческаго и лекторовъ новыхъ языковъ. Въ положенный по росписанію, часъ въ небольшую аудиторію, занятую 8 студентами новаго курса церковно-практическаго отдѣленія ¹⁾, вошелъ ровною походкою одѣтый въ виць-мундиръ молодой, стройный, съ пріятнымъ лицомъ, окаймленнымъ небольшою бородкою, и обильною растительностью на губахъ. Сѣрые вдумчивые глаза, нѣсколько мясистый носъ, густыя брови и очень небольшая шевелюра съ ясно обозначившейся уже лысиною на головѣ дополнили внѣшнюю фигуру явившагося предъ нами лектора. Раскланявшись съ студентами и взойдя на кафедру, Александръ Васильевичъ ровнымъ и мелодичнымъ, безъ аффектацій, голосомъ

¹⁾ Въ общемъ довольно вѣрно изобразилъ А. В. Вадковскаго, какъ профессора гомилетики, мой товарищъ по Академіи и отдѣленію М. П. Троицкій въ своихъ краткихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ Берлинѣ въ журналѣ „Церковная правда“ 1913 г. № 5, стр. 128—130, издававшемся протоіереемъ А. П. Мальцевымъ.

началь чтеніе по тетрадкѣ введенія въ исторію христіанской проповѣди, по временамъ лишь расправляя лѣвою рукою свои густые усы, или поглаживая не менѣе густыя брови. Мы выслушали лекцію съ живымъ интересомъ и вышли въ восторгѣ отъ впечатлѣнія, какое произвелъ на насъ Александръ Васильевичъ. Первое благоприятное впечатлѣніе въ дальнѣйшемъ не только не ослабѣвало, но росло, можно сказать, съ каждой лекціей. Когда мы подошли къ его чтеніямъ по исторіи византійской проповѣди золотого вѣка — времени св. Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Амвросія Медиоланскаго, наша аудиторія уже оказывалась тѣсною и душною. Число желающихъ слушать увлекательнаго лектора росло съ каждою лекціею, и аудиторія уже не могла вмѣстить всѣхъ. Мы, такъ сказать, слушатели *ex officio*, были въ восхищеніи отъ лектора и положительно считали себя счастливыми, что наша аудиторія стала предметомъ зависти студентовъ другихъ отдѣленій. Александръ Васильевичъ, видя передъ собою возрастающую въ численности ау-

диторію, ободрися, расцвѣлъ. Его прекрасная, ровная и мелодичная рѣчь о богатствѣ и пышной роскоши Византійскаго императорскаго двора и испорченности современныхъ нравовъ столицы дивнаго Босфора, въ связи съ вдохновеннымъ, пламеннымъ словомъ обличителя-аскета и неустрашимаго проповѣдника Христовой правды Златословеснаго архіепископа Константинопольскаго Іоанна Златоуста производила на слушателей чарующее, неотразимое впечатлѣніе. Въ картинныхъ изображеніяхъ распущенности нравовъ и ослѣпительной роскоши въ жизни Византійской столицы съ одной стороны, и безпощадныхъ суровыхъ обличеній тонкаго знатока человѣческаго сердца, архипастыря аскета, съ другой, мы въ рѣчи лектора не слышали ни напыщеннаго паѳоса, ни риторической холодной аффектаціи, но все тотъ-же обычный, дѣловой, ровный тонъ лектора — знатока своего дѣла. И этимъ-то спокойствіемъ и дѣловитостію тона онъ еще больше подкупалъ насъ въ свою пользу и покорялъ себѣ невольно всю аудиторію. Мы провожали талантливаго,

краснорѣчиваго лектора бурными аплодисментами и сами покидали аудиторію въ восхищеніи и очарованіи. У меня невольно рождается теперь горячее желаніе видѣть эти лекціи изданными въ свѣтъ, хотя я почти и съ увѣренностью могу говорить, что эти лекціи и не были вполнѣ оригинальными, и составлялись подъ вліяніемъ очень хорошихъ французскихъ источниковъ.

Внутренняя личная жизнь Александра Васильевича въ это время для насъ студентовъ перваго курса могла быть совершенно неизвѣстна, но одно случайное обстоятельство приподняло предъ нами завѣсу, скрывавшую отъ насъ и эту жизнь. Оказалось, что молодой, симпатичный профессоръ, увлекавшій насъ въ аудиторіи, переживалъ тяжелую семейную драму и испытывалъ тяжелую гнетущую матеріальную нужду. Самыя достовѣрныя и краснорѣчивыя свѣдѣнія мы имѣли объ этомъ отъ нашего товарища по отдѣленію и курсу Аристова, который, не получивъ казенной стипендіи и не имѣя средствъ къ существованію, помѣщенъ былъ на жительство Александромъ Васильевичемъ въ редакціи

академическаго журнала «Православный Собесѣдникъ» въ качествѣ ея дѣлопроизводителя.

Молодой доцентъ А. В. Вадковскій былъ отцемъ двоихъ дѣтей и ютился въ академической слободкѣ въ скромной квартиркѣ дома Мильмана, при самой тяжелой семейной обстановкѣ. Въ домѣ на одрѣ лежала приговоренная къ смерти любимая юная супруга Александра Васильевича, нуждавшаяся въ уходѣ и въ средствахъ на свое леченіе. Два прелестныхъ созданія—мальчикъ Борисъ и дѣвочка Лидія, въ возрастѣ отъ 6 до 8 лѣтъ, требовали за собою постояннаго надзора и внимательнаго наблюденія, которые уже были не подѣ силу умирающей Елисаветѣ Васильевнѣ. Недостатокъ средствъ по должности доцента, съ жалованьемъ 1200 р. въ годъ, и большіе расходы по дому вынудили Александра Васильевича взять на себя редакторство и корректорство «Православнаго Собесѣдника». Эта интенсивная работа, требовавшая не малыхъ хлопотъ въ типографіи, въ бумажныхъ магазинахъ и постояннаго сидѣнья дома за корректурою, нерѣдко отвлекала Але-

ксандра Васильевича отъ его научныхъ профессорскихъ занятій, но и дома онъ долженъ былъ отрываться, — то — влекомый къ одру своей любимой супруги, то къ своимъ малюткамъ, лишеннымъ нѣжныхъ согрѣвающихъ ласкъ больной мамы. Едва ли и слѣдуетъ прибавлять, что дѣлать эти сложныя и трудно совмѣстимыя обязанности Александру Васильевичу съ кѣмъ-либо въ домѣ, при одной прислугѣ, не было возможности. — И студентъ Аристовъ и Ксаверій, служитель редакціи, были постоянными посѣтителями квартиры Александра Васильевича, его довѣренными исполнителями различныхъ его порученій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственными свидѣтелями той тяжелой жизненной драмы, которую онъ переживалъ въ это время.

Катастрофа въ семьѣ Александра Васильевича разразилась осенью 1878 года. — Елизавета Васильевна скончалась, оставивъ молодого вдовца и на его рукахъ двухъ малютокъ дѣтей. Дружная академическая корпорація съ своими семьями старалась всячески выразить своему симпатичному товарищу сочувствіе въ постигшемъ его

горѣ, а студенты, въ свою очередь, не желали отстать отъ нихъ въ изъявленіи своихъ трогательныхъ чувствъ въ отношеніи убитаго горемъ любимаго профессора. Прекрасный студенческий хоръ участвовалъ на выносѣ тѣла почившей и пѣлъ въ церкви заупокойную литургію и чинъ погребенія.

Послѣ похоронъ, Александръ Васильевичъ ушелъ всецѣло въ научную работу, ища въ ней и забвенія понесенной тяжелой утраты, и заработка для значительныхъ долговъ, которые явились у него, сначала благодаря болѣзни жены, а затѣмъ и ея похоронъ. Напряженная научная работа въ своей излюбленной специальности и надъ описаніемъ Соловецкихъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Казанской духовной Академіи, прерывалась лишь для посѣщенія лекцій и для бесѣдъ съ своими малютками, искавшими его ласкъ и нѣжныхъ попеченій. Мы, студенты, прямо восхищались, какъ этотъ молодой вдовецъ, съ материнскою нѣжностію, заботился о религіозно-нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей, съ которыми мы видѣли Але-

ксандра Васильевича постоянно въ академическомъ храмѣ на всѣхъ богослуженіяхъ. Нерѣдко мы могли наблюдать за его путешествіями съ ними на сосѣднее Арское кладбище для слушанія литургій въ мѣстномъ храмѣ и для панихидъ на дорогой родной могилѣ.

Сближеніе мое съ Александромъ Васильевичемъ и знакомство съ нимъ произошло на третьемъ курсѣ въ 1881 г., когда я, занятый кандидатскимъ сочиненіемъ: «Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в.», часто посѣщалъ квартиру моего незабвеннаго учителя — литургиста Н. Θ. Красносельцева, проживавшаго по близости въ госпитальной слободкѣ въ одномъ домѣ съ своимъ своякомъ профессоромъ Я. А. Богородскимъ. Александръ Васильевичъ свое одиночество и глубокія думы о воспитаніи сиротъ-малютокъ частенько любилъ повѣрять весьма симпатичной и сердечной Н. М. Красносельцевой, которая, подъ своимъ бдительнымъ надзоромъ, вела наблюденіе и за воспитаніемъ единственнаго сына вдовца — профессора Я. А. Богородскаго. Здѣсь, въ этой незабвенной для меня семьѣ